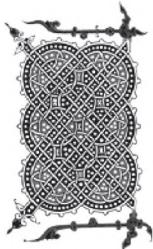


Н. А. Шушвал



## Доброхотные подаяния в традициях русского крестьянского храмопопечения (по материалам Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века)

Одним из видов индивидуального храмопопечения была традиция сбора крестьянами *доброхотных подаяний* на строительство или ремонт храма. Одновременно эта практика являлась органичной частью странничества, которое в разные периоды исследовалось многими этнографами (Т.А. Бернштам, М.М. Громыко, Х.В. Поплавская, А.В. Тарабукина, С.В. Третьякова, И.И. Шангина, Т.Б. Щепанская)<sup>1</sup>, философами и культурологами (И.П. Смирнов, Д.Ю. Дорофеев и др.)<sup>2</sup>.

В Российской империи странничество имело одновременно и жизнестроительный, и дискурсивный характер, нередко выпадая из церковно-государственной нормативности. Оно могло быть героическим поведением и массовым поветрием, объединять в себе религиозные порывы и профаниную деятельность<sup>3</sup>. Странничество – это своеобразный способ освоения пространства, осуществляемый с разными целями – получения материальной (нищенство) или духовной пользы (калики перехожие). Т.Б. Щепанская рассматривает странничество и как определенную «модель лидерства»<sup>4</sup>, и как явление, обеспечивающее распространение, во-первых, кризисной информации

из святого места по окружающим деревням, и, во-вторых, информации о самом святом месте, т.е. поддержанием коммуникативной структуры территории (с узлами в святых местах)<sup>5</sup>.

Но нам важны наблюдения тех этнографов, которые напрямую связывают странничество и храмопопечение. Так, Т.А. Бернштам выделяет в особый *странствующий* разряд крестьян, которые выполняли задание приходского коллектива по сбору средств на строительство храма или колокол<sup>6</sup>. С. В. Третьякова, исследуя традиции странноприимства в Белозерском крае, пишет, что сбор доброхотных подаяний можно отнести к «временному странничеству», которое имело целью заботу о своем приходском храме<sup>7</sup>. Цель данной статьи – рассмотреть практику сбора доброхотных подаяний, существовавшую в системе традиций храмопопечения в Вологодской губ. во второй половине XIX – начале XX в.

Своеобразное понимание странничества самими крестьянами дает прошение одного крестьянина Вологодского у., направленное им на имя архиепископа Александра в 1913 г.: *Представляя при сем удостоверение, выданное мне причтом Михайло-Архангельской Верхнегородской церкви имею честь*

<sup>1</sup> Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005; Громыко М.М. Странноприимство в русской крестьянской традиции // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 9–15; Тарабукина А. Странники и паломники // Знание – сила. 2005. № 10. С. 110–113; Третьякова С.В. Странноприимство в белозерском крае в XIX – начале XX века (гносеологический аспект) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 221–227; Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники: Энциклопедия. СПб., 2003; Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере: Странники // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102–126; Она же. Странные лидеры: О некоторых традициях социального управления у русских // Этнические аспекты власти: Сб. ст. СПб., 1995. С. 211–240; Она же. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003; Она же. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

<sup>2</sup> Дорофеев Д. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. ст. СПб., 1997. С. 208–227; Смирнов И.П. *Homo in via\** // Смирнов И.П. Генезис: Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб., 2006. С. 236–250.

<sup>3</sup> Смирнов И.П. Указ. соч. С. 241.

<sup>4</sup> Щепанская Т.Б. Странные лидеры... С. 215.

<sup>5</sup> Щепанская Т.Б. Кризисная сеть... С. 127.

<sup>6</sup> Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 312.

<sup>7</sup> Третьякова С.В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): Дис. .... канд. ист. наук. Вологда, 2007. С. 225.

покорнейше просить Вашего Преосвященства не отказать мне в моей просимости и выдать или исходатайствовать через кого следует медаль; при чем не лишним считаю присовокупить, что я человек не земледелец, а постоянно, т.е. круглый год странствую по разным городам и монастырям для поклонения святым мощам, что может подтвердить упомянутый выше причт. ... К сему прошению Василий Жуков, а по неграмотности его и личной просьбе расписался Иван Воробьев»<sup>8</sup>. К прошению прилагается удостоверение священника и духовного отца странствующего крестьянина Павла Кирикова, в котором подчеркиваются такие качества странника как простота и безгрешность, звучит призыв ко всем христолюбцам облегчить его странствия. Кроме того, указывается, что на месте жительства этот крестьянин *говел и Св. Таин приобщен*. Решение Духовной консистории по данному вопросу было вполне предсказуемым: *За неимением оснований в исходатайствовании крестьянину Жукову медали просьбу его о сем отклонить, о чем и уведомить его через местное волостное правление*<sup>9</sup>.

Данный пример показывает, что странничество воспринималось как духовный подвиг истинно верующего человека, заслуживающий такого же внимания от епархиального начальства, которое полагалось выдающимся приходским попечителям – церковным старостам и председателям церковно-приходских попечительств за их храмостроительную деятельность. Сам странник подчеркивает, что он не земледелец. Не случайно во второй половине XIX в. в среде тотемских крестьян сборщика средств на строительство и нужды церкви называли диалектным словом *боговик*<sup>10</sup>, подчеркивая тем самым, что его деятельность направлена не на мирские нужды, а угодна Богу, совершается по Его воле.

Традиции странничества имели большое распространение, т.к. милосердие и благотворительность являлись неотъемлемой частью крестьянской по-

вседневности, сочетаясь с их представлениями о действительном благочестии. Нередко под благотворительностью они понимали подачу милостыни странникам. Корреспондент Тенишевского бюро из Бережнослободской вол. Тотемского у. сообщал, что благотворительность крестьян заключается в том, что, хотя через деревню проходит ежегодно масса странников и странниц, нет ни одного дома, где бы не подали милостыни этим лицам. А в некоторых домах всегда им предоставляют ночлег и ужин<sup>11</sup>.

Изучить эту сторону храмопечения и ее проявления в крестьянском сообществе, понять мотивацию сборщиков на храм помогают документы Вологодской духовной консистории второй половины XIX – начала XX в.: делопроизводственная документация о строительстве церквей и часовен<sup>12</sup>, о незаконном сборе денег в пользу церквей и монастырей Вологодской епархии<sup>13</sup>, сборные книги для записи добровольных пожертвований<sup>14</sup>. Документы о строительстве церквей и часовен нередко содержат прошения священнослужителей, церковных старост, а иногда самих крестьян о выдаче разрешений на сборы доброхотных подаяний. В них указывалась причина, по которой просители вынуждены прибегать к подобной мере изыскания средств (как правило, называлась бедность прихода и самих прихожан), обосновывался выбор того или иного крестьянина в качестве сборщика. Прошения о строительстве так же содержат копии доверительных писем от прихода или церковно-приходских попечительств. Среди опубликованных источников следует назвать этнографические материалы бюро кн. В.Н. Тенишева.

Дела о незаконном сборе денег включают в себя заявления мировых судей в Вологодскую духовную консисторию о незаконных действиях священников и церковных старост тех церквей, в пользу которых собирались подаяния; сборные письма, подписанные церковными старостами и

<sup>8</sup> Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458. О награждении старост и других лиц духовного звания медалями. 1913 год. Л. 197–197 об.

<sup>9</sup> Там же. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19458. Л. 200.

<sup>10</sup> Потанин Г.Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотмы // Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 230.

<sup>11</sup> Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. С. 37. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 4: Тотемский, Устьысьольский, Устюгский и Яренский уезды.

<sup>12</sup> ГАВО. Ф 496. Оп. 1. Д. 18378. О сооружении нового каменного храма в Озерецком Христорождественском приходе Тотемского уезда. 1906 г. Д. 16285. О постройке церкви в деревне Медведице Никольского уезда и об открытии при ней самостоятельного прихода. 1891–1909 гг.

<sup>13</sup> Там же. Д. 14052. По отношению судебного следователя о разоблачении мещанина Буркова в сборе пожертвований в церковь без разрешения Епархиального начальства. 1866 г. Д. 14970. Сведения о незаконном сборе денег некоторыми крестьянами в пользу церквей и монастырей. 1875 г. Д. 15514. По отношению Кадниковского мирового судьи о сборе без разрешения начальства пожертвований в пользу разных того уезда церквей. 1882 г. Д. 17818. Переписка о задержании полицией сборщиках в пользу церквей, как не имеющих полномочий на сборы. 1901–1902 гг. Д. 16297. О незаконном сборе денег в пользу церквей. 1891 г. Д. 13948. О задержании незаконных сборщиков денег для заграничных монастырей. 1865 г. Д. 15374. О сборе пожертвований разными лицами в отдельные церкви и монастыри Вологодской епархии без разрешения. 1880 г.

<sup>14</sup> Там же. Д. 14041. Книга для записи добровольных пожертвований на постройку новой каменной холодной церкви. 1866 г.

приходскими людьми; объяснения причта церквей, направленные епархиальному начальству, содержащие причины незаконного сбора средств; приговоры мировых судей; решения консистории. Документы являются весьма информативным источником, с точки зрения изучения бытования традиции индивидуального храмопечения. Они дают возможность выявить личностные черты сборщиков, их социальный статус, мотивы, которые подвигли их на собирание подаяний, роль причта и церковного старосты в принятии решения о сборе средств, позволяют понять взаимосвязь личного и организованного храмопечения.

Наличие сборной книги от консистории было обязательными условиями для законного сбора жертв от *доброхотных дателей*. Книга выдавалась сроком не более чем на один год для сбора подаяний на определенной территории, например, только в пределах епархии, сборщик не имел права передавать книгу другим лицам, а по прошествии срока должен был представить ее для *счета и свидетельства* собранных денег в консисторию. Она заверялась подписями членов причта и церковного старосты. Сборные книги являются не только источниками, но и артефактами – своеобразными свидетелями производившихся сборов. Они содержат информацию о наименовании тех мест, которые проходил сборщик, количестве собранных денег, редко, о *самых дателях*, т.к. информация о пожертвованиях часто не заносилась в книгу по их желанию.

Г.Н. Мелехова отмечает, что строительство храма осуществлялось крестьянами в основном на мирской счет, лишь с небольшой помощью церковных и земских учреждений, благотворителей и *сборных сумм*, полученных от своих же и сторонних жертвователей<sup>15</sup>. Забота о дальнейшем благоустройстве приходского храма так же входила в обязанность прихожан. Во второй половине XIX – начале XX в. существовали различные способы получения средств для приходского строительства, например, раскладка (самим крестьянами или по инициативе священника назначался сбор средств с каждой ревизской души) или пожертвования крестьян. Но когда средств не хватало, крестьянское сообщество

прибегало к иному способу сбора подаяний. Для этого из своей среды крестьяне выбирали сборщика, давали ему доверительное письмо, заверенное причтом церкви, и консисторскую книгу для записи пожертвований. На сбор подаяний за пределами епархии требовалось специальное разрешение. Например, к такой мере получения средств были вынуждены прибегнуть причт и крестьяне Озерецкого Христорождественского прихода Тотемского у., которым не хватило средств на постройку нового здания храма<sup>16</sup>. Консистория разрешила им проведение сбора. При строительстве новой церкви в д. Медведице Никольского у. в 1894 г. доверенный от крестьян также просил о разрешении производить сбор пожертвований, на что также было получено согласие Духовной консистории. В решении говорилось: *Ввиду свидетельства благочинного, что крестьяне – прихожане не могут без посторонней помощи выстроить у себя разрешенной им церкви, на основании 55 ст. Устава духовных консисторий, снабдить их сборной книгой*<sup>17</sup>. Один из корреспондентов Тенишевского бюро сообщал, что в Спасской вол. Вологодского у. в приходе Успенской Песошенской церкви была *жертвовательница трудаами своими, т.е. она собирала на храм и чуть не одна украсила весь храм, приобретая в него не менее как на тысячи три рублей*<sup>18</sup>. В приходской летописи Спасо-Преображенской Сеньговской церкви Грязовецкого у. в записях за 1860 г. упоминается об усердном прихожанине, который на собранные им по соседним приходам доброхотные подаяния сделал на все иконы в иконостасе *медные посеребренные ризы и стеклянные рамки для защиты образов от пыли*<sup>19</sup>.

Согласно сборным или доверительным письмам, крестьяне выбирали из своей среды человека *честного, скромного, к церкви Божией рачительного*<sup>20</sup>, *доверия заслуживающего*<sup>21</sup>, *трезвого и в подаяниях для пользы церкви вполне благонадежного*<sup>22</sup>.

Интересным представляется вопрос о выявлении мотивов, которые двигали сборщиками. Как свидетельствует делопроизводственная документация, одним из таковых было желание проявить свою заботу о храме и показать свое расположение

<sup>15</sup> Мелехова Г.Н. Как строили храмы в XIX веке? (по материалам Каргополья) // Православие и русская народная культура. М., 1996. Кн. 6. С. 123.

<sup>16</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18378.

<sup>17</sup> Там же. Д. 16285. Л. 72 (об.).

<sup>18</sup> Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. С. 564.

<sup>19</sup> ГАВО. Ф. 1063. Оп. 93. Д. 29. Приходская летопись Спасо-Преображенской Сеньговской церкви Грязовецкого уезда. 1868–1916 гг. Л. 5 об.

<sup>20</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15514. Л. 25—25 об.

<sup>21</sup> Там же. Л. 28.

<sup>22</sup> Там же. Д. 15514. Л. 33.

к нему. Член попечительства Спасо-Преображенской Сеньговской церкви перешел собирать на Авнегу (где был задержан), потому что как член попечительства, на первых порах своей службы хотел показать свое расположение к церкви Божьей, приобрести для нее больше денег и тем ускорить поправку на ней крыши<sup>23</sup>. Одной из сборщиц для Богородской Корневской церкви Кадниковского у.<sup>24</sup> была престарелая вдова, проживающая в церковной келье и пожелавшая собирать доброхотные подаяния для строительства нового храма, который для нее, возможно, являлся и домом.

Вторая группа мотивов связана с обетной практикой крестьян. Этнограф И.А. Кремлева отмечает, что обеты были и остаются важной частью религиозной жизни русского народа. В них отражаются и покаяние в своей греховности, и надежда заслужить прощение особыми усилиями, и представление о важности жертвования, и идея духовной пользы самоограничения<sup>25</sup>. Так, церковный староста Воскресенской Шомской церкви Вологодского у., обращаясь с возванием к потенциальным жертвователям, писал: Я, нижеподписавшийся, церковный староста ... имею всепокорнейше честь просить ... доброхотных жертвователей не стеснять в сбирании добровольных подаяний в пользу нашего приходского храма Воскресения Христова на внутренний его ремонт (исправление печей, трубы, окраску откосов на стенах, поправку рам и пр.) предъявительниц сего (возвзвания) крестьянок — прихожанок нашей церкви деревни Горки: Пелагею Конанову и Марфу Титову, как женщин честных и благонадежных, в сем богоугодном деле, давших обещание Господу Богу принести свои посильные труды. Дано сие дозволение от вышегозначенного числа впредь до 30 июня, сего месяца текущего года<sup>26</sup>. Священник Верхне-Кемской Николаевской церкви Никольского у. в своем объяснении Вологодской духовной консистории о причинах незаконного сбора пожертвований, производящегося в течение 10 лет, указывает в первую очередь следующее: Крестьянин Подболотной волости, починка Еремина, Самсон Яковлев Луженский, действительно

производил сбор по соседним приходам Никольского уезда. Первое всего, он ... стал проситься в сбор, высказывая причину своей глазной болезни и говоря, что он дал обещание собирать на новостроящийся храм, в течение нескольких годов безвозмездно. Я, выслушав его просимость, сказал: «Хорошо, потрудись. Господь, да поможет тебе в твоих трудах»<sup>27</sup>.

Церковное начальство, со своей стороны, пытается сделать статус сборщика на храм как можно более прозрачным. Законодательство Российской империи регулировало хождение за подаяниями на храм, но привлечение при этом священных предметов для поклонения (икон) или дополнительных средств (свеч, книг) без должного разрешения причисляло к суеверным действиям<sup>28</sup>. Тем самым государство пыталось бороться с профессиональным нищенством, которое было достаточно распространенным явлением во второй половине XIX – начала XX в. Описывая повседневную жизнь крестьян Вологодской губ. в этот период Н. А. Иваницкий отмечает широкое распространение нищенства<sup>29</sup>. Нищие делились на подлинных и профессиональных. Первая группа была следствием бедствий и неурожаев, которые вынуждали крестьянина время от времени заниматься сбором подаяний, вторая же, как пишет Иваницкий, происходила от лености, страсти к бродяжничеству и могла превращаться даже в определенный вид промысла. Этнографические материалы Тенишевского бюро показывают, что в крестьянском сообществе отношение к нищим и странникам было различным. Так, в Калининской вол. Тотемского у. нищенство считалось пороком, а если и существовало, то только в отход, т.е. по чужим волостям<sup>30</sup>.

Практика сбора пожертвований регулировалась указами<sup>31</sup> Священного Синода 1856 и 1881 гг. Сборщики должны были быть исключительно из местных прихожан, а сборные консисторские книги следовало выдавать только на истинные и существенные нужды церкви. Так, если церковь строилась в достаточно большом и богатом приходе, или прихожане желали сделать свой храм более благолепным и великолепным, заменить коло-

<sup>23</sup> Там же. Д. 14970. Л. 15.

<sup>24</sup> Там же. Д. 15514. Л. 32

<sup>25</sup> Кремлева И.А. Роль обетов в религиозной жизни русских // Православие и традиционная народная культура: Сб. докл. XIII Междунар. Рождественские чтения. М., 2005. С. 89.

<sup>26</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17818. Л. 2.

<sup>27</sup> Там же. Л. 14.

<sup>28</sup> СЗРИ. Т. XI. Гл. II. Отд. 3. О предупреждении и пресечении суеверий. Ст. 32. (Изд. 1912 г.). С. 101.

<sup>29</sup> Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1890. Вып. II С. 59–60.

<sup>30</sup> Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. С. 220.

<sup>31</sup> Распоряжения епархиального начальства // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 9. С. 102–105.

кол на больший или перестроить колокольню, то тогда им предоставлялось исполнять это собственными силами или с помощью благотворителей, не прибегая к сбору *доброхотных подаяний*.

Для сбора обязательным было наличие *доверительного письма* и *консисторской книги*. Доверительное письмо являлось своеобразным удостоверением личности сборщика и сообщало о целях сбора, нуждах церкви и прихода. Призывы к жертвователям могли иметь следующие содержание: *Примите благодетели и любители благолепия церковного усердное наше прошение, не оставьте нашей бедной из бедных церкви своей малой лептой, за которую мы обязаны будем молить Бога ... за здравие и спасение*<sup>32</sup>.

Наличие сборной книги, как уже указывалось, давало возможность контролировать сам процесс сбора. В каждом приходе, в котором оказывался сборщик, священник *высыпал* из кружки пожертвованные деньги, пересчитывал их, записывал сумму в книгу, отдавал деньги сборщику *для хранения и передачи в свою церковь* и снова запечатывал кружку. Когда сборщик возвращался в свой приход, собранные деньги при свидетелях (собрание причта и прихожанах) отдавались церковному старосте, который записывал их в приходо-расходную книгу. В том случае, если книга давалась на продолжительное время (не более одного года), то сборщик мог время от времени возвращаться в свой приход с полученными средствами, а затем снова отправляться за подаяниями. Так, например, согласно книге<sup>33</sup>, выданной крестьянину Никольского у. прихода Анданской Происхожденческой церкви, в течение года сборщик три раза возвращался в свой приход для передачи денег, а всего за год собрал 363 руб. 74 коп. *Доброхотные датели* часто не заботились о том, дойдут ли их материальные жертвы до приходской церкви – ценность милостыни определялась, в первую очередь, символическим, религиозным значением, а не материальным. «*Мне случалось наблюдать, – писал П. Вересов из с. Антушево Белозерского у., – что в Соловецкий монастырь посыпают деньги... вовсе с незнакомыми богомольцами-странниками. Один крестьянин послал 20 рублей со странником для вклада в Соловецкий монастырь... Я усомнился: дойдут ли деньги по назначению. Крестьянин отвечал: “Мне все равно, лишь бы я послал... Бог-то знает...”*

<sup>32</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15374. Л. 2.
<sup>33</sup> Там же. Д. 14041.
<sup>34</sup> Цит. по: Третьякова С.В. Указ. соч. С. 114.
<sup>35</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14970. Л. 14.
<sup>36</sup> Третьякова С.В. Указ. соч. С. 149.
<sup>37</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Там же. Д. 15514. Л. 24 об.
<sup>38</sup> Там же. Л. 43 об.
<sup>39</sup> Там же. Д. 15514. Л. 32.

Во избежание наказаний со стороны епархиального начальства приходской причт пытался, со своей стороны, сделать сбор средств на храм более организованным. Так, священник Сеньговской Спасо-Преображенской церкви Грязовецкого у. советовал сборщику из членов церковно-приходского попечительства неходить по домам прихожан. Как он пишет в своем объяснении в Вологодскую духовную консисторию, *прихожане, узнав о прибытии сборщика в деревню, обыкновенно снашивали свои материальные пожертвования в один из домов и оставляли их у хозяина*<sup>35</sup>.

Сбор доброхотных подаяний, часто выступал как пример исключительно добровольного, неформального религиозного поведения, лишенного каких-либо принудительных церковных установок и санкций<sup>36</sup>. Собирающие средства без разрешения епархиального начальства выпадали из церковной нормативности, но при этом продолжали в глазах крестьян соответствовать представлениям об истинном благочестии. Приходские священники и старосты, боясь наказания епархиальных властей, в своих объяснениях пишут, что *ответственность (за незаконный сбор средств) ... всецело должна лежать на прихожанах, которые ... есть главные виновники незаконных действий*<sup>37</sup>. Выражая протест против решения крестьян, священники заслуживали *подозрительности и недружелюбия* и, во избежание *могущих произойти от того неприятностей*<sup>38</sup>, прилагали церковные печати к сборным письмам, составленным прихожанами.

Установленные правила сбора могли нарушаться крестьянами по причине перехода за границы своего прихода. Так, например, одна крестьянская вдова собирала подаяния и в своем Богородском приходе, и в соседнем — Николаевском, который всегда неизменно *усердствовал*<sup>39</sup> к первому, более бедному. Взята она была за 15 верст от своей приходской церкви в Петро-Павловском приходе.

Дела о незаконном сборе пожертвований дают примеры того, как выглядели сборщики, при этом они так же нарушали предписания церковного начальства. Приведем несколько примеров. У послушника Коринилиево-Комельского монастыря одним из волостных сельских писарей была отобрана *сборщицкая икона* преп. Корнилия<sup>40</sup>. Другой крестьянин Грязовецкого у. явился в Ново-Ни-

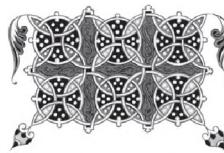
кольское волостное правление с куском матери и на груди в виде воздуха, медною на нем иконою и блюдом в руках и был задержан<sup>41</sup>. Сборщики из Нижегородской губ. имели с собой не только колокол, но и икону Божией Матери, т.к. осуществляли сбор на сгоревшую церковь Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца. Ношение таких предметов инициировалось самими крестьянами. Так, священник Спасо-Преображенской Сеньговской церкви в своих объяснениях епархиальному начальству в свое оправдание указывает, что икона не была давана сборщику, да и не было ему в том нужды<sup>42</sup>. Священные предметы обозначали особый статус сборщика, как совершающего богоугодное дело человека, и помогали вызывать доверие среди крестьян. «Они выполняли в деле сбора доброхотных подаяний коммуникативную функцию между сборщиками и «дателями»: присутствие святыни – гарантia служения Богу, а не противоположным силам. Не случайно, кстати, символы божественного были неотъемлемым элементом бродячей жизни профессиональных нищих. Поэтому сборщики могли использовать так же особые маркеры для определения своего статуса, не связанного с нищенством. Например, в Калининской вол. Тотемского у. особенностью странников было то, что они просили возле церквей, чего не делали никогда обычные нищие<sup>43</sup>.

Выявленные нами документы показывают широкую распространность традиции сбора доброхотных подаяний на строительство или обустройство церквей в Вологодской губ. во второй половине XIX – начале XX в. Члены церковно-приходского попечительства при Дмитриевской Николаевской церкви Вельского у. выдали доверенности на сбороны пожертвований 27 крестьянам, 10 из которых не были в сборо, а 17 собрали 162 рубля. При этом само попечительство объяснило консистории, что им было не известно о незаконности таких действий, так как зачастую встречаются при подобных довериях лица из монастырей и приходских церквей<sup>44</sup>. О повсеместной распространенности практики сбора на храм доброхотных подаяний

свидетельствует, например, тот факт, что в 1891 г. в приходе Воскресенской Кулойской церкви Тотемского у. появились сборщики из Нижегородской губ. Арзамасского у. По свидетельству священника, это были два мужчины с лошадью, ... причем при кибитке саней у них был подвешен колокол, пудов 3-4. Один из мужиков по временам ударял в колокол привешенным языком, а другой кричал у окон домов крестьян самым высоким голосом, вызывая жителей на подаяния<sup>45</sup>.

Сбор подаяний являлся своеобразным каналом коммуникации, связывающим различные точки сакральной сети не только внутри прихода, уезда, но и епархии. Так, один из послушников Спасо-Прилуцкого монастыря был направлен игуменом для собирания подаяний в Кадниковский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский и Никольский уезды по приглашению самих жертвователей. Из объяснения настоятеля монастыря: *Он (сборщик) был отпущен по приглашению самих усердствующих к нашей обители. Так как многие из тамошних жителей, посещая в качестве богомольцев нашу обитель, просили нас уполномочить кого-либо из братии для получения в месте их жительства посильных от них пожертвований в знак благодарности за бесплатное пользование нашей скромной трапезой*<sup>46</sup>. Исследуя бытование почитания святых основателей монастырей в религиозной практике Белозерья, С.В. Третьякова отмечает, что *временно странствующие* наследники отдельных белозерских обителей, вступавшие в контакт с окрестными жителями в процессе сбора добровольных пожертвований, занимали существенное место в информационно-пространственной системе, связанной с передвижением и, как следствие, установлением новых коммуникативных связей<sup>47</sup>.

Безусловно, в крестьянском сознании была глубоко укоренена традиция странничества, связанная с пониманием сущности святости и идеями милосердия и благотворительности. Это способствовало, на наш взгляд, бытанию такого вида храмопопечения, как сбор крестьянами доброхотных подаяний.



<sup>40</sup> Там же. Д. 14970. Л. 2.

<sup>41</sup> Там же. Л. 9.

<sup>42</sup> Там же. Л. 14 об.

<sup>43</sup> Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 5. С. 220.

<sup>44</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15374. Л. 7.

<sup>45</sup> Там же. Д. 16297. Л. 1–1 об.

<sup>46</sup> Там же. Д. 15374. Л. 26 об.

<sup>47</sup> Третьякова С.В. Указ. соч. С. 116